

В ПЛЕНУ ПОЭЗИИ

ТАТЬЯНА ПЬЯНКОВА

ГАИСЬЯ ПЬЯНКОВА

В ПЛЕНУ ПОЭЗИИ

ББК 84 Р7-5

П 96

Художник Л. П. Лазарева

Пьянкова Т.Е.

П 96 В плену поэзии. – Новосибирск: ООО
«Сибирское книжное издательство»,
2017. – 92 с.

© Пьянкова Т.Е., 2017

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Что-то будет, что-то ждётся...
Что? Не знаю. Но ко мне
Звонким голосом несётся
Весть о будущей весне.
Тихой песней колыбельной,
Звонким кличем юных лет,
Ликованием беспределным,
Лучшим словом: ты – поэт!
Ты – поэт! Какое чудо!
Жизнь какая! Мир какой!
Слово, я тебя добуду
В небе, в море, под землёй...
Раздобуду, распакую, размахнусь,
Пущу в эфир!
И меня, меня, земную...
Вдруг узнает целый мир!
Здравствуй, лучший мир поэта,
Я явилась не гостить,
Не за тем, чтоб кануть в Лету –
Жить в тебе, тобою жить!

9 лет

ВЕСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

Пахнет дымом и навозом,
Куры квохчут у плетня,
Хороводятся берёзы
В звоне мартовского дня.

Снег парует ли на крыше,
Воробы ль дерутся в прах...
От восторга у мальчишек
Небо плавится в глазах!

На дворе телёнок пегий
Юбку бабкину жуёт,
В нетерпении телега
Колесом о землю бьёт...

Ночи день сегодня равен –
Пляшет солнце на сосне,
И колодезный журавль
Поклоняется весне!

9 лет

* * *

День какой! Весёлый да хороший!
Словно чьей-то сильною рукой
Был кусочек солнца с неба сброшен
И разбит на влажной мостовой.

Среди солнца, от восторга взвигнув,
Шустрый голопятым малышок –
Шлёт ногой! И солнечные брызги
Окатили с головы до ног.

И хохочет громко, без смущения –
Словно сам придумал день такой...
Управляя солнечным движением,
Человек стоит на мостовой!

9 лет

* * *

Опять промчался день безрезультатно!
Спокойной ночи, несуразный ум.
В том, что сегодня было непонятным,
С утра я разберусь в потоке дум.

Теснятся в мыслях образные строки,
За рифмой рифму мчит фантазий рой...
В какие дебри жизни без дороги
Меня зовёт капризный разум мой?

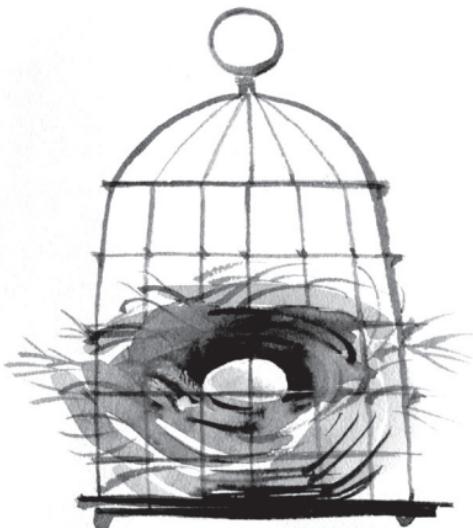
И всё ж на то, что без священной дрожи,
Рифмованных ночей, лирической зари
Мне жить на свете будет невозможно,
С судьбой я всё же заключу пари!

11 лет

* * *

Кто телом раб, раб по чужой вине.
Кто раб душою – раб вдвойне.
А кто душой и телом побеждён,
В утробе лучше б умер,
Чем был на свет рождён!

11 лет

* * *

*Воробью, залетевшему в оконце
детдомовского карцера*

Не пугайся, не кляни минуту,
Что в мои ладони привела.
Я однажды, тоже перепутав,
Не в свои оглобли забрела.

Я той поры беспомощно топчусь я:
Тяжела поклажа, мало сил.
Не погладят, если надорвусь я,
Ведь никто в оглобли не просил.

Но оставить?
Чёрта с два, дружище!
Я без этой упряжи грущу.
И однажды, накопив силищи,
Этот воз я в гору потащу.

А теперь поклюй с моих ладоней
Жалких крошек.
Знать, не ел давно.
Я тебя, подняв на подоконник,
Выпущу в открытое окно.

Ты же, за моё великодушье,
Если я однажды надорвусь,
Не спеши мои стенанья слушать –
Этой болью я сама займусь.

Ну а ты, коль выйду на дорогу
Я от одиночества грустить,
Почирикай мне, мой друг, немножко,
Чтобы вновь мне захотелось жить.

11 лет

* * *

Ну, чего ты, берёзонька,
Пожелтела, осунулась?
Ты о ком, ясноликая,
Загрустила, задумалась?

Может быть, занедужилось
Он погодушки слякотной,
Может, ты понаслушалась
Небывальщины всякой?

Может, глупою выдумкой
Досадили подруженьки,
Может, ветер повывернул
Твои белые рученьки?

Знаю, знаю, сердешная, –
Этой ночью осеннею
Ты грустишь, безутешная,
О Сергеев Есенине.

11 лет

* * *

Не поленись войти в себя.
Кто знает...
Быть может, здесь
Твои невзгоды проживают?

11 лет

* * *

Мы все умны, когда нас любят.
А вот когда любовь молчит,
Немедля ненависть разбудит
В порожних душах сто причин,
Сто вероятностей и сплетен...

Всё против нас, все – заодно!

И вот тогда на белом свете
Становится темным-темно.

И мы, ослепшие от горя,
Обезумев наверняка,
Доверившись, рыдаем горько
В жилетку лютого врага.

А он, улыбкою страдая,
Торжественно, в запойном зле,
Нас очень нежно прижимает
Враньём и похвалой к «земле».

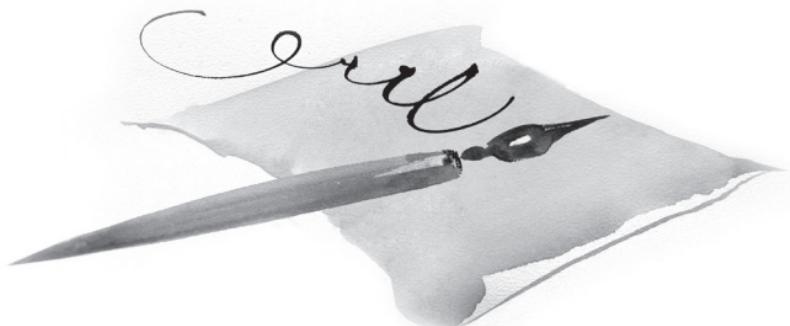
Доверившись его советам,
Вдруг, в состоянии таком,

Дурак становится поэтом,
Поэт – отменным дураком.

Но всё когда-нибудь проходит
И, гордо голову задрав,
В мир дураком дурак уходит,
Так ничего и не поняв.

Ну, а поэт?
Устав от мнений,
Махнёт на выдумки рукой
И выйдет к людям новый гений –
Неповторимый, заревой!

11 лет

* * *

Я начиналась так:
Поутру в щёлку ставень
Тончайший лучик солнечный влетел,
Как будто расписался в темноте
И на мою ладонь
Печать поставил.

За мартовскую весточку весны
Я приняла тогда его спросонья.
И, как звезду шестой величины,
Качала лучик на своей ладони.

У нас за печкой жил мой детский страх.
Одной во тьме мне очень страшно было.
И вот тогда, в рифмованных стихах,
Своей звезде я сказку сочинила.

Мы с ней тогда увиделись впервые
И страх ушёл – остались мы вдвоём
Малюсенькие, тёплые, смешные...
С тех самых пор мы рядышком растём.

12 лет

* * *

Тайга вековая!
Сосна к сосне
Вершины свои в облака вонзили...
Не здесь ли пульсирует в полусне
Лохматое сердце чалдонской Сибири?

Не здесь ли былины кондовые спят?
Не здесь ли забытые тайны уснули?
А сосны над ними стоят и стоят
В бессменном, почётном своём карауле.

Ни звука!
Но, чу!
Дальний куст задрожал,
Трусливую птаху встревожил собою...
Не древний ли там человек пробежал
И притаился за дальней сосновой?

13 лет

* * *

Как духи, следуя за мной,
Туманы дышат стариной...
А на дороге, неуклюж,
О камень ворон чистит клюв...
И нива, полная зерна,
Лежит, от тяжести вздыхая...
И богатырская луна плывёт,
Как чаша круговая...
Над созревающей страдой
Колосьев медный звон несётся,
Как будто Сивка за скирдой,
Уздечкой тренькая, пасётся...

А я на вспаханной меже стою,
Страшась нарушить чудо,
И слышу,
Как поют в душе от счастья
Гусли-самогуды:
О том, как хороша земля,
Где удалось мне уродиться...

И почему?
Не знаю я...
Слезинка падает с ресницы...

13 лет

* * *

Кричи, душа,
На перекрёстке быта,
Там, где собака истины зарыта.
Да только не забудь,
Сходя с ума:
Ты
От природы,
Словно смерть,
Нема!

14 лет

* * *

Не перестану удивляться
Простому хлебу на столе,
Осинам в трепете оваций,
Скирде, взошедшей на стерне,
Стакану молока парного,
Скамье просторной у крыльца,
Морщинам старого лица,
Весенним силам молодого.
Не отрешить меня делами
От слёз мальчишки во дворе,
От жаворонка на заре
И...
От поэзии – ночами.

14 лет

* * *

Ночь достала луну из-за пазухи
И повесила над окном...
И запахло языческим праздником
И коровьем парным молоком,
Половицами, мытыми дочиста,
Русской печкой и хлебом ржаным,
И недавним, ватажным
отрочеством –
Ерепенистым и озорным,
Наперёд забегающей взрослостью,
Незатейливой детской мечтой...
И освещенной русской берёзкою
Деревенскою добротой!

14 лет

* * *

Паутиною серебряной
Ночь волос заплетеана,
Холку стёр Пегас оседланный,
Смотрит жалобно луна...

Ах, поэзия, поэзия –
Жизнь несётся кувырком...
Ну, чего же ты нагрезила
Опохмельным языком?

Обещала песни жаркие –
Панихиду завела,
В ночь волос рукою жалкою
Паутины наплела,

На задрипанном Пегасушке
Сыромятная узда...
И грозит мне вслед погаснувшим
Палкой-факелом звезда!

15 лет

* * *

На краю света стынь, сушь,
На краю света тьма, глушь...
Там живут беды, боль, страх!
Там лежит вечность и прах!

Не ищи слабый тот путь.
Откажись разом – стой тут!
Стоит ли, не стоит? Как знать...
Подыши сто лет и – спать!

Если же не в силах терпеть,
Если ты и в горе смел петь,
Если смехом глушишь стон, вой,
То иди смело. Ты – свой!

Там, за краем света, предел
Праведных и смелых людей.
Только всем пределам – ты знай:
И за краем света есть край!

16 лет

* * *

Полночь, за полночь...
Не спится –
Тени пляшут на стене...
Слышу: стонут половицы –
Кто-то бродит в тишине!

То призывно засмеётся,
То зубами заскрипит,
То сиянием взорвётся,
То молчаньем завопит...

Страшно думать и не думать –
Хоть посмертную пиши...

Так бы отдал чёрту душу...
Только нет её – души!

16 лет

* * *

С утра стирает дождик затяжной
Намыленный ветрами день вчерашний...
Такою затрапезную порой,
Пожалуй, только умирать не страшно.

И в самом деле – всё, чем дорожил,
Вдруг заслонила странная обида.
Как будто всех знакомых пережил,
По всем друзьям отправил панихиду.

И некому тебе закрыть глаза...
А дождь зудит за окнами бессменно...
И чудится:
Воскресший бронтозавр
Шершавым боком чешется о стену.

16 лет

* * *

Край ты мой смолёный –
Заповедник дум!
Снегом многотонным
Завалило шум летней канители.
В сонме глухарей
Лапой водят ели
По следам зверей.
Да куржак столапый,
Тишину храня,
Снеговую бабу лепит из меня.

Слышу краем уха сквозь дремоты стынь:
Где-то зудит муха крыльшком теплынь,
А вдали, за лесом,
Под весенний гул,
О пшенице пахарь песню затянул...

В золоте заката вороха снегов
Улеглись валками будущих хлебов!

16 лет

* * *

Вышедшему из леса

Ах, какой мужик-то страшный!
Словно чёрт его возил по загнеткам
И уставши на корягу водрузил.

У реки костёр хлопочет –
Лижет пену с котелка...
Как озноубна тёмной ночью
Песнь чужого мужика.

Ну, давай, давай, бедовый!
Только б ночь не подвела...
Уж давно такою новой эта песня не была...

Так откуда ты явился, из какого сундука?

Только хитростью искрился
Взгляд зелёный мужика...

Кто ты – леший иль лесничий?

Но мужик усы развёл,
На прощанье крякнул зычно,
Улыбнулся и... ушёл!

16 лет

* * *

Заплясала осень по лесу –
Прицепила ветры к поясу,
Затянули небо синее
Тучи сивою холстиною.

Со своею звёздной братией
Месяц тычет холст рогатиной,
Рассыпает выюга струганый снег
Синицам перепуганным.

Трубы ветром задыхаются,
Перед Богом волки каются,
На подъёлках росы чистые
Ожерелья низят льдистые...

Утром солнце землю станет мыть –
Сдёрнет с ёлки нить с монистами
И рассыплет на завалинке
Леденцы
Ребятам маленьkim.

17 лет

* * *

Без укора и без корысти
У калитки бытия
Поджидает мою молодость
Старость верная моя.

Ей напрасно страхи чудятся,
Зря морщинится лицо...
Ничего со мной не сбудется,
Не случится ничего.

Много доброго и нежного
Болью отпето живьём...
А уж сколько понаслежено
В сердце трепетном моём.

Есть ли правда в мире ложного –
За какую дёрнуть нить?
Сколько силы зря положено,
Чтобы истину скроить?

Всё ж не зря стремлюсь я думою
Напролом и наперёд...
До чего же я додумаюсь,
Если дальше так пойдёт?

17 лет

* * *

Женщина кричит за поворотом.
Женщине до смерти жить охота.
И летит в трусливый взгляд мужчины
Откровенной взяткой матерщина.

Женщина была б сама собою –
Женственность была б её судьбою.
Но навстречу смерти встал мужчина,
Милую оставив беззащитной.

Годы проходили за годами,
Забывалось горе за делами.
О себе хватилась, когда время
Хлопнуло со зла входною дверью.

Всё же дождалась: чужой и клейкий –
Жаловался на судьбу-злодейку...
Бабью душу в жалость затянуло;
Думала уплыть и... утонула.

Женщина кричит за поворотом,
Женщине до смерти жить охота.
И летит в пропитый взгляд мужчины
Откровенной взяткой матерщина.

17 лет

* * *

Я ловлю в облаках
Силуэты пришельцев, манящих
От тревожных раздумий
В далёкие тайны былин.
Я до смерти боюсь,
Что растают под солнцем палящим
Их волшебные лики
В сияющих нимбах седин.

А они всё бредут и бредут,
Как паломники в Мекку.
Ни конца им ни края
На синих дорогах небес.
И не трогает их
Непродуманность нашего века,
И не страждут они
Ни открытый и ни чудес.

Но чем дольше я вглядываюсь
В их отрешенные лица,
Тем сильней закипает
Во мне беспокойная кровь.

Словно мудрость Земли
Предо мной за страницей страницу
Неустанно листает
Огромную книгу веков.

Облака всё глядят
В душу мне упłyвающим светом,
Вроде я непременно
Должна до заката понять
И ответить,
Что может моя голубая планета,
Что сумеет о нас
В эту книгу веков записать?

17 лет

* * *

Идёт разлука, как старуха,
Глядит на всех из-под руки.
И отдаются в сердце глухо
Её несонные шаги.

Любви – соперница седая,
Надежде – желчная свекровь,
Она неверием питает
Враждой испорченную кровь.

В минуты дикого азарта,
Покорность требуя в залог,
Тасует судьбы, словно карты
Изобретательный игрок.

18 лет

* * *

Золотая середина!
Это значит – не морщины.
Это значит – не седины...
Из воды и из огня
Золотая середина
Может вызволить меня.

Только мне – дорога в гору,
Только мне – стеной туман!
Коль огонь, так чтобы море,
А вода – так океан!
А не тазиком на спину
И не в зеркале заря...
Золотая середина, ты, увы,
Не для меня.

Мне скакать, так чтоб со стоном,
А молиться – чтобы Бог!
А не в рамочке икона
И не в ризе скоморох!
Чтоб мой маятник пружина
Вечно двигала, звеня.
Золотая середина,
Ты – погибель для меня!

18 лет

* * *

Значит, враки всё это –
Нескончаемый бред,
А любви на планете
Не бывало и нет?

Значит, кто-то однажды,
Очень умный и злой,
Обошёлся неважно
С человечьей судьбой?

И стихи, и обеты –
Сусальность вестей?
Значит, сердце поэта –
Барахолка страстей?

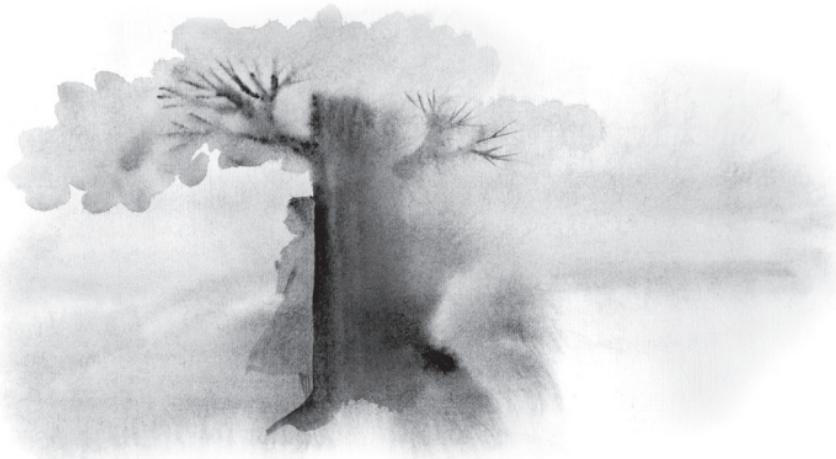
Если мир так увечен,
Если это не бред...
Для чего же к нам вечность
Снизошла на сто лет?!

18 лет

* * *

Что от жизни человеку надо?
Как на это отыскать ответ?
Одному достаточно лампады,
А другому нужен целый свет,
Горы – восходить, не возвышаться,
Море – углубляться, не тонуть.
Друг, чтоб в мелочах не затеряться,
Отчий дом, где можно отдохнуть.
И любовь нужна для обновленья.
Но не всем любить дано уметь.
Одному хватает угожденья,
А другому – лучше умереть!

18 лет

* * *

Ко мне, лишь успею прикрыть я ресницы,
Приходит печаль
И безмолвно садится напротив,
И смотрит устало и грустно...
И сразу на сердце становится пусто:
Ни слёз, ни любви, ни тоски, ни разлуки...
Лишь только мои одичавшие руки...
Лишь только мои одичавшие руки,
Истосковавшиеся по тебе.

18 лет

* * *

Другу

Ты слышишь, как отчаянье кричит
Во мне весёлым языком цинизма,
Развязной мудростью излечивая стыд?
То совесть опороченная мстит
За тайные проделки эгоизма!

Оглохни ради чистоты своей –
Пусть этот крик в тебе не отзовётся.
А наших дней такой короткий век
Пусть памятью в тебе надолго остаётся,
Что просто я – весёлый человек...

19 лет

* * *

То ли с неба луны беглые
Катят круглые бока,
То ли черти скачут белые,
Оседлавши облака,
То ль на пенсию по старости
Провожают сатану,
То ль мужик дерёт за стайкою
Подгулявшую жену,
То ли ведьма лешим телится –
Режет болью рожениц,
То ли снежным полем стелется
Стая воющих волчиц?..

Ну и ночка нынче выдалась:
Полыхая и звеня,
Из зимы на землю вырвалась
Прорва белого огня!

Догорает время свечкою;
Слёзы попусту теперь –
Темнота кленовой веткою
Заколачивает дверь...

21 год

БЫЮТ ВОРА
Память детства

Лежит...
А где-то у реки вальком бельё
колотит мать...
С оттяжкой хлещут сапоги –
Им наплевать
На мать, на жизнь, на Божий суд –
Они бьют!
Бьют основательно, вразмах,
Со слизью белой на губах
И с малосольной кожурой
В дремучих, топких бороздах...
Топор бы им!
Пускает дым кольцом мясник
И щурит глаз – не попадайсь!
Торговка, к бочке наклоняясь,
Жуёт грибки – не попадайсь!
Баба... слёзы льёт в платок –
Где ты, жив ли, мой сынок?!

Молит кровью синий глаз:
Люди! Только б не сейчас...
Не сейчас познать бы мне
глубину конца –
Тот, в косматой бороде,
Больно схож с лица...
На отца!

23 года

* * *

Под окошком избы убелённой,
По стране одиноких снегов,
Вновь пластинку тоски зелёной
Раскрутил граммофон ветров...

Только видно хозяйке убогой,
Приложившей ладонь к лицу,
Как, вихляясь, пустая дорога
Виновато ползёт к крыльцу.

И старуха, ломая спину,
Долго крестится в белую жуть...
То ли просит вернуть ей сына,
То ль в последний готовится путь?

25 лет

* * *

Слова неподсудны,
Слова неповинны,
Что могут порою убить наповал.
Они лишь солдаты
Словесной рутина,
К ним просто приставлен
Плохой генерал.

Таким разобраться никто не поможет
И силой никто не заставить понять,
Что ими,
Как правило,
Только возможно
Лишь самых хороших людей убивать.

Любовь не уймёт их
И смех не развеет,
И не заворожит собой красота...
Но если такие слова онемеют,
То значит за жертву вступилась мечта!

25 лет

* * *

Не усталость гнетёт,
Не дороги нас старят,
А не знаешь порой,
Для чего ты живёшь.
Оттого,
Что с тобою по жизни шагает,
Претворяясь родной,
Беспросветная ложь!

Всё, что с ложью срослось,
С добротой не срастётся,
Даже если любовью добро одарит.
Всё, что ложью болит,
При тебе остаётся...
И не как-нибудь так,
А смертельно болит!

Отрывая её,
Не ругайся от боли –
Пусть вески поседеют
От сдержаных слёз.
Отпусти ей грехи...
Все мы в жизни не Боги...
Где б она прижилась,
Если б нас не нашлось?

26 лет

* * *

Не надо о любви. Не надо!
Мне не дано тебя понять.
Я и тогда, когда ты рядом,
Кого-то продолжаю ждать...

И вновь, среди твоих признаний,
В небытие погружена,
Без сожалений и желаний
Блуждаю я совсем одна.

Мне хорошо, как летом в поле,
Брести неведомой тропой,
Не чувствуя щемящей боли
Моей вины перед тобой.

Здесь всё и радостно, и складно,
Легко и плакать, и любить...
О, как не хочется обратно
Из этой сказки выходить

Туда, где надобно досаду
Фальшивой лаской прикрывать...

Не надо о любви. Не надо!
Мне не дано тебя понять!

26 лет

* * *

Собаке

Не вой, пожалуйста! И так покоя нет!
Вот у меня, пожалуй, сто преград и бед.
Но кто же станет слушать эту муть...

Не вой!

Пожалуйста!

Я не могу уснуть.

Ну, братец мой, при чём же здесь луна,
Что нам с тобой сегодня не до сна,
Что горло рвёт бессилья сжатый стон?

Ну, идиот!

Не вой!

Пожалуйста!

Что где-то здесь,
Где у других душа,
Лишь только плесень!
Больше – ни шиша...

Что жизнь моя прошла в собачий век...

Но я-то! Я!

Не пёс.

Я – человек!

И нет желания одним «прекрасным» днём
Без покаянья сдохнуть под плетнём...

Мне лапы жалостно
Пёс положил на грудь:
– Не вой,
Пожалуйста!
Я не могу уснуть.

28 лет

* * *

А ночью глаз не видно,
А ночью кошки все черны...
Обидно,
Не обидно...
Обручены!

А ночью все порочны...
А ночью – снова в простили...
И так вот –
Еженочно!
Без просыпа!

А днём боишься ночи,
Как вечности,
Как сатаны...
Но хочешь ли, не хочешь –
Обречены!

А кто-то манит лаской...
В кто-то манит в сторону...
То сказка ли, не сказка...
А!
Всё равно...

27 лет

* * *

Царь был не в духе...
Свечи тлели...
Молчал испуганный гусляр...
И молча, выпендряясь, сидели
Ряды насупленных бояр...

Царь был не в духе!
Ошалело сновали служники кругом.
Дворецкий,
В дело и не в дело,
Грозил им тайно кулаком.

Шипели вина,
Пар дымился,
От царской снеди стол ломился,
Арабки тонкие вились
В неслышном танце басурманьем;
Их косы чёрные лились
В ковры персидского старанья...

Царь злился.
Бровио грозя,
Смотрел сурово и жестоко...

И примечало всё и вся
Лихое царственное око.
И, стервенея от услуг
Своих,
Заморских дармоедов,
Царь русский разразился вдруг
Святою злостью русских дедов:

– Ишь выпендились,
Вашу мать!
Слюной заморской умастились!
А хлеба русского подать
На русский стол
Царю –
Забылись?!

Долой, заморское холопье!
Позвать народ слободских мест!
Пусть лучше в грудь себя колотят,
Лишь был бы это
Русский жест!

27 лет

* * *

*Бесталанному руководителю
литературного объединения*

Я – шут!
Смотрю на короля,
Тая сюжетную измену.
Но шутовская роль меня
Ещё не вывела на сцену.

Не всякий запасной дурак,
Страшась публично осрамиться,
Напялить шутовской колпак
Себе на голову решится.

Но верю я, садясь за грим,
Что только шут имеет право
Перед величеством самим
Без опасенья молвить правду.

Что лучше этой роли нет,
Где б своеволье так открылось...
Я к этой роли столько лет
По дебрям времени стремилась.

Отшельником,
В глухи ночей,
Свой страх пред критикою зала,
Я непокорностью своей
Из прозябанья вышибала...

Король!
Мне лучше, чем тебе:
Усердие лукавой черни
Не обеспечит мне побед...
Но и на землю
Не повергнет!

27 лет

* * *

У покорности – корысть.
В непокорности – горесть.
Трудно быть непокорной,
Но страшнее поклонность.
Что мне делать – не знаю:
Нет ни мысли, ни слога...
Об одном умоляю:
Отойди – ради Бога!

Одичала от распрай,
От сомнений оглохла.
Одиночество – страшно!
Угождение – тошно!
На судьбу не пеняю –
От себя невозможно...
Об одном умоляю:

Не скули – если можно!
По звонку телефона
Я сверяю живучесть...
Если встреча – случайность,
Ожидание – участь!

Ни о чём не пытаю:
Всё темно и убого...
Об одном умоляю:
Разлюби! Ради Бога!

29 лет

* * *

Ничего вспоминать не желаю,
Ничего забывать не хочу.
Всё приемлю!
И твёрдо знаю:
Мне любая беда по плечу.

Мужем бита.
Любовью обманута.
Умудрённая горькой нуждой,
Жизнь моя до предела натянута
На судьбу тетивою тугой.

Чем коварнее зло,
Чем бессовестней,
Чем настырней ухватка беды,
Тем вернее и тем напористей
Метят стрелы моей мечты!

Тем точнее в судьбу попадаю я,
Тем увереннее шепчу –
Ничего возвращать не желаю я,
Ничего забывать не хочу...

29 лет

* * *

Убили медведицу. Просто убили.
И люди как будто бы добрыми были.
И, силясь понять отношения взрослых,
Скулил медвежонок,
прижавшись к берёзке.

Скулил торопливо, боясь не доплакать.
Совсем ёщё маленький – с мамину лапу.
А после, притихший
под ласкою строгой,
Тоскливо смотрел на родную берлогу.

Шатаясь, тайга от него отставала,
Как будто бежать вслед за ним уставала.
О горькой судьбе лепетали осины.
И пахла дорога резиной и псиной.

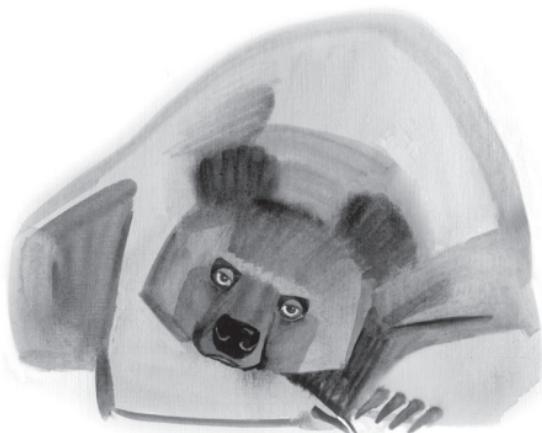
Он рос и мужал – становился медведем.
Но вряд ли медвежья его доброта
Могла осознать или просто поверить,
Что он представляется в роли шута.

Ночами, когда утихали фанфары
И публика прочь уносила свой рёв,
К нему приходила медвежья старость
С медвежьей тоскою о шуме берёз.

И в тысячный раз он бежал по дороге,
Страясь как можно скорее бежать,
И в тысячный раз у родимой берлоги
Он падал под пулей, как некогда мать.

Он думал с наивностью злого ребёнка,
Что вот и ему наконец повезло...
И зная, что нет у него медвежонка,
Медведь улыбался спокойно и зло!

31 год

* * *

Был олень, подстреленный неловко,
Шёл олень от смерти целый день.
Выдохся.
Упал!
Поёт кедровка...
Смотрит в небо синее олень.
У ноздри былинка шевелится;
Опадают медленно бока...
Новой кровью допьяна напиться
Комаров слетелись облака.

Голодом науськанная стая,
Тормозя размашистый полёт,
Серая!
Колючая!
Пустая!
Нависает!
Множится!
И пьёт!

Без эмоций место уступая
Новой стае, свившейся в круги...
Не доступна истина простая
Крохотным стервятникам тайги,

Не понять им, что его,
От пули через смерть шагнувшего
В мой стих,
Вновь
Они
В безвыходность вернули
На ничтожных крыльышках своих.

Кончен пир!
Застолье опустело.
Спряталось светило за тайгой...
Скоро волки захоронят тело
Под унылый,
Ненасытный вой!

32 года

* * *

Ты
Не любил.
Ты не любил!
Ты просто был...
Ты просто был!
Ты приходил, чтоб уходить.
Ты говорил, чтоб угодить.
Просил понять,
Просил простить,
Просил молчать...
Умел
Просить...
Нет!
Ты не был –
Ты полагал.
Ты не любил.
Ты помогал...
И не понять тебе, родной,
Какою дорогой ценой
Оплачены мною
Твой покой.

34 года

* * *

Ах, этот снег!
Ах, этот дивный сон!
Как руки счастья,
Как хрустальный звон...
Целует пальцы,
Трогает уста
Мне эта проливная чистота!

Чего ты хочешь от меня – скажи?
Ну, забери меня!
Ну, закружи!
В лохматые объятья замани,
Хрустящей льдинкой сердце замени,
В покой тихой песней зазови...
Спаси меня он мартовской любви...

Чего ж ты медлишь?
Ладно!
Извини!

35 лет

* * *

Сегодня мне невыносимо горько –
Такой недуг!
Мне б разделить с хорошим другом горе.
Да где тот друг?

Стою одна среди дождя и хляби –
Кляну судьбу.
И чтобы в грязь не сунуться,
Хотя бы –
Прижмусь к столбу...

А у него в груди
Гудит и стонет –
Тоски прибой...
Наверно, на него с моих ладоней
Стекает боль?

35 лет

* * *

Была звезда и нет звезды...
Погасла!
Теперь её ничем не отогреть.
На прежнем месте тяжело и ясно
Сияет точка
Чёрная,
Как смерть!

Как в страшный час,
Забытый час разлуки,
Она опять
Меня
К себе зовёт...
Я к ней тяну нетерпеливо руки,
Но чёрный холод
Мне ладони жжёт!

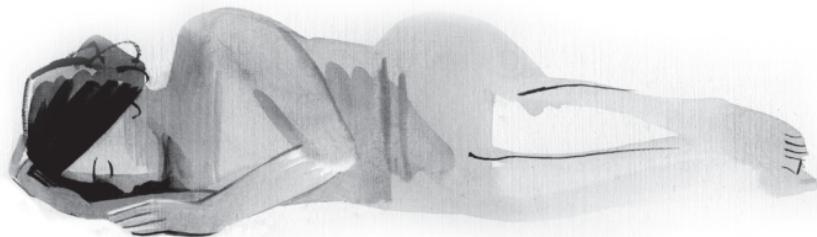
И вновь я плачу от стыда и боли,
И вновь кричу...
От боли
И стыда:
Не дай,
Не дай, Господь, чтоб над тобою
Взошла такая
Чёрная звезда...

35 лет

* * *

Меня оговорили –
Ты поверил...
Всё!
Сожжены мосты –
Дороги нет назад...
И перед нами отворились двери...
В кромешный ад!
В кромешный ад!

35 лет

* * *

Я устала от дум, от себя, от судьбы.
Я устала простукивать глупые лбы...
Ухожу с рюкзаком

нерифмованных строк
В ту страну, где тушканчик свистит
в кулачок.

В ту страну, где дорога ещё не была,
Где в медвяных сусеках колдует пчела,
Где из пригоршней тонких, как тень,
лепестков
Каждый цвет утолить
мою жажду готов.

Белоствольным холяшкам
доброй страны
Поклонюсь я поклоном седой старины:
– Приголубьте меня изумрудной
листвой,
Будьте милостивы – подарите покой.

Ваших строгих законов я не оскверню,
Ваши мудрые тайны от слов охраню...

Здесь последний позвольте мне
выпустить вздох,
Пусть над прахом моим
встанет чертополох*.

И быть может, однажды сюда,
в свой черёд,
От судьбы одуревшая баба придёт,
В изголовье присядет, признанье храня,
И моими стихами помянет меня.

35 лет

*Ч е р т о п о л о х – символ мужской верности и хранитель покоя.

* * *

В мягком сене хрустком
Тёплая постель...
До чего ж по-русски
Плачет коростель...

Да, порой, во мраке,
Пересилив лень,
Брешутся собаки
Про вчерашний день.

Наплывает с пашен
Аромат тугой.
Солнцу месяц машет
Тонкою рукой.

Розовые звёзды
На далёкий лес,
Словно вдовы слёзы,
Капают с небес...

Что-то сердце, слышу,
Ноет не к добру:

Выпила ли лишку
На чужом пиру?

А потом, вполпьяна,
Изолгавшись в прах,
С кем-то окаянным
Сладила в кустах?

Было ли такое,
Нет ли?
Но теперь
Над моим покоем
Плачет коростель.

35 лет

* * *

Гряньте, стареньких небес колокола!
Будет вам отлёживать бока.
Я себя отпела и оплакала,
А теперь валяю дурака.

Больше я мечтой себя не балую –
Потно-те доверием грешить.
Я под ваш трезвон станцую «Барыню»
На черновиках своей души.

Тризну ли отпраздную, свободу ли –
Не понять в горячечном бреду...
Я сегодня выпляшусь до одури,
Допьяна –
Пока не упаду.

Грохнусь на поляны мая месяца,
На груди российской наревусь...

Мне давным-давно пора повеситься,
Только больно нравится мне Русь.

35 лет

* * *

Бабье лето. Лето бабье.
Маэта-то, маэта...
Разбежалась по ухабью
Бесшабашная мечта...

За околицей тальянка
Ткёт любовную канву.
Тонет золото полянки
В голубую синеву.

Вскину руки к изголовью,
Шорох в листьях разбужу...
Напою тебя любовью,
Бабью сказку расскажу.

Ты не спрашивай, не надо,
Для кого она живёт...
Бабье лето очень складно –
Ах, как бабье лето лжёт!

В этом зареве закатном
Трудно быть самой собой.
Догорю я, будь неладный,
В этом зареве с тобой!

Долюблю и доцелую то,
Что в небыль уплыло...
Пей мою любовь хмельную,
Пей, пока не рассвело.

Пей да знай;
К Нему с рассветом
Уплывёт моя мечта...

Бабье лето. Бабье лето –
Маэта-то, маэта...

35 лет

* * *

Разметался в тёмных лужах
майский гром.
Я пляшу на тёплых лунах босиком!

Я, как рыбку золотую на ладонь,
Подхватила золотой звезда огонь!

Посыпая звёздным пламенем траву,
Я своё сегодня детство сотворю!

Заколдую годы смехом и весной,
Раскручу, раскаруслю шар земной.

А потом умчусь на прутике верхом.

Пусть хохочет надо мною майский гром!
Пусть попробует степенность доказать,
Что мне нынче (по чернилам)
тридцать пять!

35 лет

СЕБЕ

Не меняйся, только не меняйся!
Не торгуй слезами и душой!
На углу судьбы не побирайся!
С призраком не выходи на бой!

Никакие догмы, страхи, встрыски,
Никакая тишина да благодать,
Никакие памяти и страсти
Не имеют права покорять!

Всё сломай движением единым!
Только в том, пойми, повинна ты,
Что его однажды опоила
Лошадиной дозой доброты.

35 лет

ТЕБЕ, РОССИЯ!

Не стану восклицать – О, Русь!
Так обращаются к богине.
Тебе же о несчастьях ныне
Как матери сказать берусь.

Ты помнишь, как средь бела дня,
По воле отчима рябого,
В защиту не сказав ни слова,
В сиротство кинула меня,
Двухлетнюю?

Тебе ль не знать
Казарменный уют детдома,
Где дозволялось завывать –
Спасибо Сталину родному?

И по сигналу есть и пить,
И по сигналу оправляться,
И форму синюю носить,
И по уставу соглашаться?

Затем РУ, затем – завод...
Всё те ж порядки и уставы...

Да как сама ты не устала
От непристойнейших хлопот?

Ты прежнею осталась, Русь,
Хотя костюм переменила.
Тобой всё та ж владеет сила,
Всё те ж привычки, тот же вкус.

В почёте глупые стихи,
В признанье сладостные речи...
Горят угодливые свечи,
Иллюминируя грехи.

Холопов нынешних, былых
Умело холуи тасуют,
Умело грешников малюют
Кровавой краской под святых.

Всегда
Достойнейших отцов
Ты, Русь, бездумьем поражала...
Смотри, кого ты нарожала
От лизоблюдов и лжецов!

Нет!

Ты глаза не отводи,
Поскольку длятся лихолетья.
Костьми твои родные дети
Тебе мостят твои пути...

Тебе ж любезные юнцы
Всё лгут и грабят, лгут и грабят.
А их отцы, как праотцы,
Тебя по-прежнему похабят!

И холостят твоих внучат,
И продают твоих девчат,
И инвалидов сотворяют,
И старость страхом отравляют...

А ты, в разгуле льстивых слов,
Всё в том же глупом повторенье
Испытываешь наслажденье
От подлых ласк временщиков.

Очередной твой фаворит,
Россия!
К твоему несчастью,

Хмельной захлёбываясь властью,
Не понимает, что творит.

Опомнись, матушка! Очнись!
От пьяных бредней и разора,
От беспробудного позора
К достойным детям повернись.

Уйми безвременья Содом!
Восстань душой, как ты умела!
Поверь!
И честью, и умом
Твоя земля не оскудела.

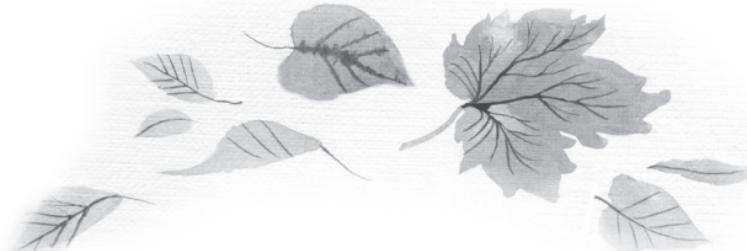
1996 год

* * *

Не ждала, не гадала –
Принавадилась грусть:
То ли прошлого мало,
То ли смерти боюсь,
То ли к нынешней моде
Масть моя не пошла,
То ли на повороте
Вышибло из седла,
То ли ложное слово
Буйный ветер донёс...

То ли мужа чужого
Полюбила до слёз?

ДАЛЕКОМУ, ДАЛЕКОМУ

Не сможешь ты не услыхать...
Не сможешь!
Мою печаль ты (и хотел бы) –
Не умножишь...
Живу я ею, как зима
Живёт морозом...
И греется душа моя...
Под снегом
Звёздным!

* * *

Я болею, друзья.
У меня перешиблены крылья.
Не до неба.
Теперь потешается боль
надо мной.
С голубой высоты
Я упала на поле бессилья
И корнями души
Прорастаю в его перегной.

Не спасайте меня
Для сочувствия и для злорадства.
Ухожу в чернозём
Неподкупною сутью своей,
Для того, чтобы над полем
Простой незабудкой подняться,
Той, что всяких высот
Бескорыстнее и голубей.

81 год

* * *

Где берёза стоит у тесовых ворот,
Моя старост меня на скамеечке ждёт
И, предчувствуя в промедлены беду,
Тихо плачет,
А я не иду, не иду...

Не грусти. Я к тебе непременно явлюсь.
Я с пустыми руками явиться боюсь.
Я прибуду, лишь в дебрях
запутанных строк
Отыщу мной обещанный алый цветок.

Только-только победа пробьёт на часах,
Я на алых к тебе прилечу парусах.
Там, где спелый подсолнух
стоит у плетня,
Ты дождёшься меня.
Ты
Дождёшься меня.

51 год

* * *

К своему 80-летию

Полагали, я –дура.
Полагают до сих,
Что судьбу я продула,
Что я форменный псих.
В голове моей ветер,
Ну а в заднице дым...
Столь во мне легковерья,
Что хватит троим.

Я ж как мячик на взлёте –
Всё скачу и скачу...
Чем сильнее колотят,
Тем я выше лечу.

Вы, друзья, при паденье
Не ловите меня;
Жизнь моя – вдохновенье,
А отдача – земля...

Краше мира и хлеба
Взлётных сил благодать.
Знать, предписано небом
Мне до смерти летать!

* * *

От грозы по жарким молниям,
Как ватага под откос,
Удирает бабья молодость
К шалашам через покос!

Ветер, хохотом настоящий,
Лихо пляшет у стогов...
Обвивает ноги стройные
Пламя ярких подолов...

Поперёк, стернёю путанной,
Расстилая тошный крик,
На кобыле перепуганной
Прёт растерянный мужик.

Бабы с визгом, бабы прометью...
А одна, горда как бес,
Извиваясь силой тонкою,
Вдруг пошла наперерез...

Удила на гриву брошены...
А она, ровняя стать,

Говорит – не сладил с лошадью,
Где ж те с бабой совладать!

Грозовою луговиною,
В дождевую прячась вязь,
Дорогая и любимая
Шла и плача, и смеясь...

* * *

За поля уйду, за пашни,
Выйду на луга...
Вспоминая день вчерашний,
Упаду в стога.

Накричусь, наплачусь вдоволь,
Вдосталь насмеюсь,
Насудачусь с бабьей долей,
В причет напоюсь,

Погадаю, как бывало,
Вспыхнувшей звездой...
Побреду домой устало
Топкой бороздой.

Под окном качнутся ветки –
Тень из-за плетня...
Любознательной соседке
Не узнать меня.

Будет голову морочить,
Мучиться во сне –

Кто же это тёмной ночью
Приходил ко мне?

И по кругу, словно чаша,
Сплетня поплывёт,
Что, мол, скромница-то наша
Весело живёт.

* * *

Я ни в какие сны не верю,
Но всем понятьям вопреки,
Ночами часто вижу берег
Таёжной маленькой реки.

Чужая, дикая природа
Меня на берег тот зовёт,
Но нет ни лодки и ни брода,
И нет моста на берег тот.

Я знаю: там, за самопряхой,
У стародавнего огня,
Нещадная судьба-неряха
Разводит сплетни про меня.

В правдоподобных небылицах,
Каргой озлобленной, седой,
Я представляюсь в разных лицах.
Но обязательно не той,

Не той, превратностям скитаний
Сумевшей противостоять,

Не той, что дерзкие желанья
Смогла при жизни оправдать...

И я кричу на дальний берег,
Ладони рупором сложив:
– Не торопитесь, люди, верить
Наветам сумасбродной лжи.
Не столь велик земной мой грех...

Ответно слышу дикий смех.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Было гораздо больше стихов, но, уходя из поэзии за мужа, меня чёрт унёс из Новосибирска в Красноярск. Сдуру я прихватила с собой рукописи. А там – изба, отопление печное. А там – бабушка, которой было наплевать на мои поэзии... И вот она оказалась дома одна. А зима... Надо печку растопить – дрова «со стужи дохловаты»... А у «внуковой жены» – мешок «зряшной гумаги»...

Вот вам и... рукописи не горят...

К тому же, я скоро поняла, что моя главная поэзия – сказы...

Так что... простите меня за то, что я «малогабаритный» стихотворец.

Ваша Таисья

СОДЕРЖАНИЕ

Предчувствие.....	3
Весеннее равноденствие	4
«День какой...»	5
«Опять промчался день...»	6
«Кто телом раб...»	7
«Не пугайся...»	8
«Ну, чего ты, берёзонька...»	10
«Не поленись...»	11
«Мы все умны...»	12
«Я начиналась так...»	14
«Тайга вековая...»	15
«Как духи, следя за мной...»	16
«Кричи, душа...»	17
«Не перестану удивляться...»	18
«Ночь достала луну из-за пазухи...»	19
«Паутиною серебряной...»	20
«На краю света...»	21
«Полночь, за полночь...»	22
«С утра стирает дождик...»	23

«Край ты мой смолёный...»	24
«Ах, какой мужик...»	25
«Заплясала осень по лесу...»	26
«Без укора и без корысти...»	27
«Женщина кричит...»	28
«Я ловлю в облаках...»	29
«Идёт разлука, как старуха...»	31
«Золотая середина...»	32
«Значит, враки всё это...»	33
«Что от жизни человеку надо...»	34
«Ко мне, лишь успею прикрыть...»	35
«Ты слышишь, как...»	36
«То ли с неба луны беглые...»	37
Бьют вора	38
«Под окошком избы убелённой...».....	40
«Слова неподсудны...»	41
«Не усталость гнетёт...»	42
«Не надо о любви...»	43
«Не вой, пожалуйста...».....	44
«А ночью глаз не видно...»	46
«Царь был не в духе...».....	47

«Я – шут...»	49
«У покорности – корысть...»	51
«Ничего вспоминать не желаю...»	53
«Убили медведицу...»	54
«Был олень, подстреленный...»	56
«Ты не любил...»	58
«Ах, этот снег...»	59
«Сегодня мне невыносимо...»	60
«Была звезда...»	61
«Меня оговорили...»	62
«Я устала от дум...»	63
«В мягком сене хрустком...»	65
«Гряньте, стареньких небес...»	67
«Бабье лето...».....	68
«Разметался в тёплых лужах...»	70
Себе	71
Тебе, Россия!	72
«Не ждала, не гадала...»	76
Далёкому, далёкому	77
«Я болею, друзья...»	78
«Где берёза стоит у тесовых ворот...»	79

«Полагали, я дура...»	80
«От грозы по жарким молниям...»	81
«За поля уйду, за пашни...»	83
«Я ни в какие сны не верю...»	85
Послесловие	87

Пьянкова Таисья Ефимовна

В ПЛЕНУ ПОЭЗИИ

Художник Л.П. Лазарева

Редактор Н. К. Герасимова

Технический редактор Н. Т. Федорова

Корректор Т. Ю. Сенокосова

Подписано в печать 25.10.17. Формат 60x84/32.
Усл. п. л. 2,7. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.
ООО «Сибирское книжное издательство».
Новосибирск, ул. Орджоникидзе, 33.